

26.1.96.

Коженкова Алла

Если б я была мужчиной, и, что называется, тонким мужчиной, то именно Алла Коженкова меня заинтриговала бы: все женское в ней доведено до крайности. Это другой мир, в нем произносятся "другие" слова, складываются "другие", отличные от повседневности, отношения.

Коженкова - это известнейший театральный художник, звезда.

- Коженкова - это вообще никакая не фамилия, потому что мой дедушка был эмигрантом из Финляндии. Документы были куплены. И мой папа умер, так и не сказав, какая же у него настоящая фамилия. Я такую фамилию больше не встречала: есть Корженковы, Кожухины, Кожуховы... Все мы - петербуржцы. Мама была балериной, папа - музыкантом.

Первый свой спектакль я делала в Ленинграде, в Малом драматическом театре, теперь это театр Додина... А когда-то здесь было кафе "Шантан", и там выступала моя бабушка. Красавица полька с тонюсенькой талией, копной каштановых кудрей - по фамилии Честовская. Ее наряжали мальчишески, она разносила напитки и пела: "Шербет и лимонад, настойки из гранат..." Бабушка была дамой богатой, потому что ее обожали миллионеры - у меня до сих пор сохранилось кольцо с внушительным бриллиантом, которое ей преподнесли в букете роз. Мой дедушка преподнес. Это было до революции, а после - бабушка совершенно не понимала, что делать, и всю оставшуюся жизнь пролежала на диване, листая романы. Она уже не "въехала" в другую жизнь никогда. Во время блокады семья выжила благодаря бабушкиному богатству, от которого только и осталось колечко. И невозможной красоты фотографии.

Для меня люди, занимающиеся творчеством, делятся на Моцартов и Сальери. Сальери изучают материал, ходят в библиотеку... А Моцарты - ничего не делают. От чего зависит, какова декорация? Тут целый клубок: какая пьеса, какой театр, какое настроение у меня, какой режиссер, какое состояние в мире, что вокруг - хотя что вокруг, я мало знаю. Когда я разговариваю с режиссером, у меня перед глазами как бы мелькают слайды, а я сама выбираю: не то, не то... Есть режиссеры, которые четко знают, что им нужно, это школа Товстоногова. Где существует понятие: решение спектакля. Оно мне достаточно чуждо. "О чем спектакль?" - да ни о чем. Вернее, о чем хочешь - то и увидишь. По Мао Цзедуну я считаю, что пусть цветут все

Сад у художника Коженковой пролетает над сценой и Виктюком

Комм. правда. - 1996. - 26 янв. с. 2

цветы - это лучше, чем ни одного не вырастить. Не будем топтать соседний огород - пусть они растут свои, мы свои цветочки вырастим. То есть, мне интересно все.

Но я не могу существовать в атмосфере вражды. Скажем, я никогда не работала с Любимовым, хотя он предлагал однажды. Я с ним поговорила, и на этом все кончилось - он мне сразу объяснил, что мы должны бороться с Советской властью. У меня, наверно, от бабушки шансоньество осталось, мечусь от одного режиссера к другому.

Нас с Виктюком познакомил Лия Ахеджакова, и мы сразу друг другу глянулись. Но начали очень осторожно - образно говоря, с маленькой работы "Стена" в "Современнике", затем сделали "Мелкого беса". С Виктюком работать было одно удовольствие. "Служанок" я не читала, он сам прочел мне вслух - я не понимала ничего: ни кто кому сестра, ни кто чего хочет. Но по выражению его лица я приблизительно догадалась, каково настроение и какова эстетика.

С Романом мы никогда не встречались по поводу работ - где-то толпа, фуршет, и он мне говорит: "Ну, в общем, - будучи пар и балетный зал". Все. Когда макет был уже готов, Роман даже не удосужился на него взглянуть, и вдруг позвонил: "Но, Рома, где я тебе балкон возьму?" - говорю я. И тогда взяла эту палку, называемую балетным станком, изогнула, мол, это балкон. Ну кто знает, что это балкон?

Когда уже началась репетиция, он меня отловил: "У меня ведь там есть выход Мадам, и нужно, чтоб что-то изменилось. Может, декорации взлетят?" Представляете, говорю,

все эти железки куда-то поедут, этот грохот - какая гадость. Он: "Ну не знаю". Ладно, говорю, я знаю, что делать, - вам понравится. И я сделала сад, когда все занавески поднимаются. При чем тут сад? Но это не имеет никакого значения.

То же и "М. Баттерфляй". Меня пригласили в Нью-Йорк посмотреть там разные спектакли и, в частности, премьеру "Баттерфляй" на Бродвее. Но у меня полный топографический кретинизм, и я театр не нашла. Переводчица рассказала мне содержание. Я потом сказала о пьесе Роману. Оказалось, он уже слышал о ней. И вдруг через полгода звонок: "У меня гениальная идея: Эрик Курмангалиев". Я была в восторге. Мы очень тогда все любили друг друга... Спектакль - как любовь. А расставаться очень грустно: ведь у Ромы уже никого не осталось, все ушли. Вернулся только Коля Добрынин, собирается репетировать в "Маркизе де Сале". ... "Служанки" для Романа были как бы открытием новой эстетики. Но это время уже прошло и эстетика тоже. Сегодня с Романом я сделала бы "Травиату" у Колобова. Мне кажется, сегодня Роман мог бы как-то вернуться, если б сделал фантастическую по красоте и чистоте вещь, убрал голые попки и пипки. Убрал все, что удивляло, и удивил бы тем, что удивляет вечно.

Когда я сделала "Марию Стюарт" с Колобовым и мы шли с ним на поклон (а Колобов ревностно относился к моей работе с Виктюком), он шепнул: "Ты видишь, что такое настоящее искусство, а твой Виктюк - кабак, ресторан!". Я сказала: "Ресторан может быть шикарным". Для меня то, что мы делали с Виктюком, было не ресторан, это

был дорогой альбом, и я листала каждый его лист... Я не могу зачеркнуть человека. Никакого. Убеждена, что никто не хуже никого и ничто не хуже ничего.

На Запад приглашали много раз, но я там не могу. Миллион единиц чисто бытовых проблем, которые раздражают невероятно. Я не знаю, что за углом, мной овладевает паника. Очень хотела увидеть пирамиды. Меня завораживал ход мыслей: в пустыне - и вдруг на тебе!.. Ближе всего Восток. Япония, Непал, Индия. Европа, особенно Скандинавия, категорически нет. В Дании я просто рыдала. Мой друг, к которому я ездила в отделанный мрамором домик с винтовыми лестницами, умолял меня выйти из дома и пойти посмотреть на эту вонючую Русалку... Не хочу я - ни эту Русалку, ни этот вечер, ни этот язык, который невозможно понять.

Может, это какая-то черта русского характера - ощущение дома и постоянное желание вернуться туда.

Раньше я жила в сказочном месте: Ленинский проспект, 16. Подъезд выходил в Нескучный сад. Там такая анфилада горбатеньких мостиков к Москве-реке. В саду, разбитом при Екатерине, стоит особняк, который она подарила графу Орлову. Чудное место, меня будили соловьи... Я как-то заезжала - ушла в слезах: такое запустение. Я вообще человек, живущий прошлым.

Сейчас моя жизнь достаточно сложна. Я привыкла жить с семьей - бабушка, мама, папа, муж, сын. Потом разошлась с мужем. Ребенок вырос, женился и живет отдельно. Обязанности чисто женского плана - накорми, отведи в школу - создавали у меня ощущение стабильности существования, а теперь - ощущение шаткой поверхности. Со вторым мужем я разошлась два года назад. Поражает, как он выдержал меня семь лет? Леня Лютвинский, что играл Месье у Виктюка.

... Однажды мы ехали с ним в машине, и он увидел листок из моей так называемой книги судеб, куда я все-все записываю, где, допустим, было: "Светомонтировка - 10 утра. Примерки - 12. В 13 - химчистка, а дальше: с 13.45 до 14.15 - Леня". Это его потрясло.

Я в людях приемлю все. Я не способна сказать: я не прощаю. Почему, если Бог простит? Если же говорить об образе моей жизни, я - раба своей работы.

Записала Гузель АГИШЕВА.
(Наш корр.)